

10.7.99

58

Муслим МАГОМАЕВ:

Девчата краснели и хихикали, слушая меня...

Комс. правда. - 1999 - 10 июля - с. 12

Его и сегодня любят все. Особенно женщины, даже несмотря на то, что певец женат. Мало того, что Магомаев замечательно поет, так еще он и (уверяют дамы) чертовски красив. Скоро поклонники певца смогут прочесть его мемуары: они уже лежат в издательстве. Пока же специально для читателей «Комсомолки» - фрагменты из книги

«Хватит глотку драть!»

Я приехал из Грозного как бы в отпуск, поскольку предполагал еще вернуться туда и немного поработать. Но тут меня вызвали в Центральный комитет комсомола Азербайджана и сказали, что мне предстоит поехать на VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки.

В день открытия фестиваля с нами произошел неприятный инцидент. Делегация возвращалась после торжественного шествия на стадионе к себе на теплоход «Грузия». Колонна автобусов двигалась от стадиона через весь город. И вот по пути следования автобусы с советской делегацией попытались закидать камнями какие-то хулиганы. Я видел из окна, как они в наш адрес делали оскорбительные жесты, скандировали «Кен-не-ди» - фамилию тогдашнего президента США. (В то время международная обстановка была напряженной: между Советским Союзом и Соединенными Штатами назревал Карибский кризис из-за Кубы.) Автобус, в котором был я, успел проскочить мимо хулиганов, а вот следовавший за нами им удалось закидать. За советской делегацией ехали венгры. Они остановили свой автобус, выскочили и вступились за нас: крепкие парни, спортсмены, стали драться с местными хулиганами, которые тут же разбежались. В общем, венгры проявили тогда социалистическую солидарность молодежи. Сейчас в это уже трудно поверить...

Во время закрытия мне поручили нести флаг нашей страны. Несу его и вдруг краем глаза вижу, что в мою сторону что-то летит. Ну, думаю, сейчас как рванет! Крепче вцепился в древко - флаг надо спасти! Но это что-то оказалось не бомбой, а букетом цветов для нашей делегации... Вот такую нервную ситуацию пришлось тогда пережить...

Покидать в одиночку теплоход не рекомендовалось, деньги выдали мизерные, поскольку мы питались (очень прилично) на борту. Ходить можно было только группами...

По-свойски чувствовали себя в Хельсинки только девчата из эстонского ансамбля «Лайне». С финнами у них много общего

— Как только я попытался пробовать голос, братья Сазоновы, чечеточники, говорили мне: «Хватит глотку драть!» По понятной причине они ценили в человеке только ноги

- язык, темперамент (точнее, отсутствие его)... Симпатичные, смешливые эстонки оказались очаровательными, и я быстро подружился с ними. Даже выучил на их языке песню Г. Подэльского из репертуара ансамбля. Подражая эстонскому, передразнивая их мягкий выговор, я, естественно, не понимал того, что говорю. Девчата краснели и хихикали, слушая меня, - оказывается, не зная языка, я невольно произносил такие сочетания, такие слова, которые у сдержанных эстонцев говорить не принято.

Хрущев буквально вытолкнул ко мне Фурцеву: - Иди, Катя, подпой комсомольцу. Она, по-моему, до этого никогда в жизни на публике не пела. Но как откажешь самому Хрущеву?

Большой теперь для меня закрыт

Художественным руководителем концертов декады был наш известнейший композитор Тофик Кулиев. Я пришел к нему на следующий день после концерта, чтобы извиниться за то, что устал, что уже не смогу выступить как надо. В ответ услышал: «Ты вечно собой недоволен. А, между прочим, вот человек, который пришел специально поговорить с тобой». И Тофик Кулиев показал на представителя вида мужчину, с которым перед тем разговаривал. Этот солидный товарищ непререкаемым тоном заявил:

- На завтра назначено ваше прослушивание в Большом театре.

Ничего не понимая, я спросил:

Муслим в 1963-м году.

- Простите, а зачем? - Как зачем?... Здесь находится директор Большого театра, сама министр культуры, другие ответственные товарищи. И мы решили...

- Не хочу я в Большой! Поймите меня правильно. Я не дорос до такой сцены.

- А мы вас не солистом, а стажером...

Мне не понравился безапелляционный тон разговора.

- Я не хочу ни солистом, ни стажером. Я бакинец, я там живу, учусь и работаю.

Вежливо, но настойчиво я отговаривался. Не мог же я сказать, что Большой театр - пучина, что я не буду там первым. Я понимал, что если приду туда, то ко мне будут относиться как к мальчику из Баку, который подает надежды. Коллеги начнут есть поедом, то есть будут интриги, а старики примутся советовать, что петь и как петь. А потом - в главном театре страны сразу придется входить в советский репертуар, который я, воспитанный на оперной классике, терпеть не могу.

Дома досталось от дяди.

- Ты что натворил? Тебя куда зовут? Тебя в Большой театр зовут!

Я пытался защищаться:

- А как быть с республикой?

- Я уже договорился с первым секретарем. Товарищ Ахундов разрешил. Сказал - пускай едет.

Я обиделся.

- Вот так легко меня из Баку отпускаете? А меня вы спросили?

Дядя вспыхнул:

- Что ты тут о себе понимаешь?! Молод еще! Люди тебе добра желают...

Но я тоже из породы Магомаевых.

- Вы меня, дядя Джамал, сильно не заставляйте. В Большой театр идут тогда, когда за спиной багаж и когда ты уже состоялся как личность.

Немного позже, после стажировки в Италии, мне предложили дебют в Большом театре - на этот раз спеть в «Севильском цирюльнике» на сцене Кремлевского Дворца съездов. Но без единой репетиции! Я вежливо отказался... Большой теперь был для меня закрыт...

Как откажешь Хрущеву?

После заключительного концерта в Большом театре и по случаю удачного завершения декады мастеров искусств Азербайджана в Москве был устроен прием, который своим присутствием почтил Никита Сергеевич Хрущев.

Когда вошли мы, артисты, все уже были в сборе. Наша делегация была большая, и отведенного нам места не хватило. Я был вынужден «занять территорию» большого начальства. Осторожно протиснулся, загорюничав при этом кого-то спиной. Сзади вдруг слышу: - Молодой человек, Москву

Фото Бориса Вдовенко

Поклонники до сих пор восторгаются тем, как выглядит их кумир. Кто бы мог подумать, что когда-то Магомаеву приходилось одалживать пиджаки у друзей.

покорили и уже здороваться не хотите?

Оглядываюсь - Анастас Иванович Микоян! От смущения я тогда забыл назвать его по имени-отчеству:

- Извините, ради Бога...

Все вращалось вокруг Хрущева: что бы ни делалось и ни говорилось, все старались угодить хозяину. Казалось, что собрались здесь не в знак дружбы двух великих народов, а исключительно ради Хрущева. Ему то и дело подливали. Он раззадорился и перешел на воспоминания из военных лет.

Азербайджанское музыкальное творчество держится на мугаме. А мугам - это такая экзотическая музыка, которая неисключительно слушателю может показаться рыданием. И вот Никита Сергеевич стал рассказывать о том, как во время войны он встретил солдата-азербайджанца, который по вечерам, когда на передовой было спокойно, заводил свою песню-плач. «Слушай, что ты все время плачешь? - спрашивал я его. - Да нет, товарищ командующий, - отвечал боец, - я не плачу, а песню пою».

Тут Никита Сергеевич зашелся смехом и, сотрясая воздух коронным жестом - рукой со сжатым кулаком, - заключил свой рассказ:

- Сегодня на концерте я понял, товарищи, что азербайджанцы действительно поют, а не просто плачут... Вот таков и будет мой тост во славу национального искусства.

И - хлоп очередную стопку. Потом Хрущев стал указывать пальцем в нашу сторону:

- А теперь пусть споет наш комсомол.

Я машинально оглянулся по сторонам, потому что никогда комсомольцем не был. Но дело даже не в этом - терпеть не могу

все эти застольные песнопения без аккомпанемента. А куда было деваться?

Микоян, уже как бы на правах нашего короткого знакомства, подзадорил:

- Спой итальянскую песню. Ты лучше всех такие песни поешь. Я слышал.

Я вежливо объяснил, что итальянские песни надо петь под аккомпанемент, а поблизости нет рояля. Тогда Микоян решил сделать ход конем - чтобы пел не я один, а все вместе, хором. И запел «Подмосковные вечера».

Хрущев буквально вытолкнул ко мне Фурцеву:

- Иди, Катя, подпой комсомольцу.

Она, по-моему, до этого никогда в жизни на публике не пела. Подошла ко мне и начала что-то выводить: всех слов она не знала, но как откажешь самому Хрущеву?

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Магомаев Муслим Магомаевич родился в 1942 году. Певец, баритон. Стажировался в театре «Ла Скала» в Милане.

С 1963 года - солист Азербайджанского театра оперы и балета.

В 1969 году получил первую премию на Международном фестивале песни в Сопоте.

С 1975 по 1989 год - художественный руководитель Азербайджанского эстрадно-симфонического оркестра.